

*Н. П. Генералова, В. А. Лукина
С.-Петербург*

Дело о духовном завещании Н. С. Тургенева (1879)

Начало 1879 года принесло И.С. Тургеневу несколько трагических известий и стало, как и первая неделя прошедшего 1878 года, «похоронным»¹. Вслед за последовавшей 15 (27) декабря 1878 года внезапной кончиной Н.Н. Тютчева, с которой, по собственному признанию Тургенева, для него в Петербурге исчез «целый дом и приют»², приходят тревожные новости о состоянии брата. Об опасном обороте, который приняла болезнь Николая Сергеевича, писатель узнал 6 (18) января из телеграммы (текст ее неизвестен³), посланной из Петербурга от имени П.К. Маляревского его женой Н.А. Маляревской, приходившейся племянницей покойной жене Н.С. Тургенева – А.Я. Тургеневой (урожд. Шварц)⁴. Он тотчас телеграфировал своему управляющему Н.А. Щепкину в Спасское-Лутовиново с просьбой лично справиться о состоянии брата⁵, находившегося

¹ Ср. письмо к Н. С. Тургеневу от 3 (15) января 1878 г.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2016. Т. 16. Кн. 1. С. 12. Далее ссылки на это издание: Тургенев (2). Письма, с указанием тома и страницы.

² См. письмо к С.Н. Тютчеву от 2 (14) января 1879 г.: Там же. М., 2017. Т. 16. Кн. 2 (в печати). Впервые письмо опубликовано В.А. Черных: Новые письма И.С. Тургенева (Письма к С.Н. Тютчеву и Н.А. Щепкину) // Встречи с прошлым. М., 1976. Вып. 2. С. 54; перепечатано: Громов В.А. И.С. Тургенев и Н.Н. Тютчев (По новым данным) // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 66–67.

³ Именно эту телеграмму Тургенев предположительно процитировал в письме к Н.А. Щепкину от 14 (26) января 1879 г.: «доктор подает мало надежды». См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 19. Далее ссылки на это издание: Тургенев (1). Письма, с указанием тома и страницы.

⁴ Надежда Андреевна Маляревская (урожд. Федорова; 1838–1892) была дочерью сестры А.Я. Тургеневой — Юлии Яковлевны Федоровой (урожд. Шварц; ум. 1901). 11 сентября 1860 г. она вышла замуж за П.К. Маляревского, венчание происходило в Петербурге, в церкви святой мученицы Александры при Александровском лицее (см.: Зайцев В.А. Семейство Маляревских // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 52). Об А.Я. Тургеневой и ее родственниках см. также: Эгле К.К. Малоизвестные материалы об И.С. Тургеневе из рижских книгохранилищ // И.С. Тургенев (1818–1883–1958). Ст. и материалы. Орел, 1960. С. 344–351; Мельник Е.Г. А.Я. Шварц в семье Тургеневых // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 93–102.

⁵ Текст телеграммы см.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 9.

в родовом имении с. Тургенева. Щепкин успел исполнить поручение писателя: по получении телеграммы, как свидетельствует более позднее письмо П.К. Маляревского к Тургеневу, он незамедлительно отправился в Тургенево и «минут за 10 до смерти был у Николая Сергеевича <...> видел Н<иколая> С<ергеевича>, но видел умирающим»⁶. 8 (20) января, телеграмма Щепкина (текст ее также неизвестен) известила писателя о смерти Н.С. Тургенева⁷, скончавшегося 7 (19) января от отека легких. В той же телеграмме Щепкин сообщал, очевидно, что похороны будут проходить в Москве.

Хотя отношения между братьями не были особо доверительными, смерть Николая Сергеевича Тургенев переживал тяжело. 9 (21) января он с горечью написал Г. Флоберу: «Вчера я получил известие о смерти моего брата; для меня это большое личное горе, связанное с воспоминаниями о прошлом. – Мы виделись с ним очень редко – и между нами не было почти ничего общего... однако брат... иногда это даже меньше, чем друг, но все же нечто совсем особое. Не такое сильное, но более близкое»⁸. Особенно болезненно он воспринял то обстоятельство, что слишком поздно узнал о безнадежном положении брата, видя в этом злой умысел со стороны П.К. Маляревского, семья и родственники жены которого согласно завещанию становились, как было заблаговременно известно писателю, основными наследниками усопшего.

Между тем кончина брата, умершего бездетным вдовцом, поставила писателя как единственного ближайшего родственника по боковой линии (т.е. в данных обстоятельствах, по действовавшему

⁶ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об. Письмо от 25 января ст. ст. 1879 г.

⁷ О том, что Тургенев получил телеграмму Щепкина 8 (20) января, свидетельствует письмо самого Тургенева к Г. Флоберу от 9 (21) января 1879 г. (см. далее), а также запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой, зафиксировавшей 8 (20) января поездку своего младшего брата — А.Н. Тургенева в Париж и посещение им И.С. Тургенева, «который узнает о смерти брата!» (см.: Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 394).

⁸ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 12. Подлинник по-франц. О том же он писал и П.В. Анненкову 12 (24) января 1879 г.: «Сообщаю Вам, любезнейший Павел Васильевич, постигшее меня горе: в прошлое воскресенье брат мой Николай Сергеевич скончался в тульской деревне. Мы с ним видались редко, интересов общих не имели ... а все-таки: брат! Тут есть кровная, бессознательная связь, которая сильнее многих других» (Там же. С. 15).

тогда законодательству, единственного законного наследника до оглашения завещания) перед насущной необходимостью немедленных действий для защиты своих наследственных прав. Не в малой степени опасался Тургенев и злонамеренных действий со стороны Маляревского, который, как ему казалось, мог лишить его причитавшейся ему по завещанию доли. «Мой покойный брат был человеком несметно богатым, – писал он, например, Флоберу,⁹ – но все свое состояние он оставил родственникам жены. – Мне же (как он мне писал) он отказал 250 000 фр. (это приблизительно одна двадцатая часть его состояния¹⁰) – но так как люди, окружавшие его в последние годы, весьма смахивают на мошенников – мне, видимо, придется немедля отправиться на место действия – наследство моего брата может очень легко испариться!»¹¹. В схожих выражениях он писал и другим своим корреспондентам – А.В. Топорову 11 (23) января, П.В. Анненкову 12 (24) января, М.М. Стасюевичу 17 (29) января.

Неизвестно, когда мнение Тургенева о П.К. Маляревском и его семье изменилось в худшую сторону. Как свидетельствуют письма к нему Тургенева, написанные летом 1876 года, когда писатель был вынужден заменить своего управляющего Н.А. Кишинского на Н.А. Щепкина, он прибегал к помощи Маляревского в оценке «живого инвентаря» в Спасском и к другим его услугам¹². Судя по письмам-отчетам Маляревского к Н.С. Тургеневу, которого он неизменно называл «дядей», подчеркивая тем самым близкое родство, отношения между ним и И.С. Тургеневым сложились вполне доверительные, во время приездов писателя на родину они неоднократно приглашали друг друга к обеду¹³, в свою очередь в письмах к брату И.С. Тургенев неизменно передавал приветы Маляревскому и членам его семьи. Так, в письме от 8 (20) июля 1876 года Малярев-

⁹ В письмах к русским корреспондентам Тургенев указывал сумму в 100 000 руб., что примерно соответствовало 250 000 франков (см., например, письмо к А.В. Топорову от 11 (23) января 1879 г.: Там же. С. 14).

¹⁰ О реальном размере состояния Н.С. Тургенева, оставшегося после его смерти, см. ниже.

¹¹ Там же. С. 12-13.

¹² См., например: Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4390, 4395.

¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 180. Л. 2 об. и след.

ский сообщал Н.С. Тургеневу, что получил от его брата письмо «и понял, что И<ван> С<ергеевич> в беспокойстве. Вместо того чтобы отвечать письменно, сам лично в понедельник отправился к нему в Спасское. Он, как видно, и не ожидал такой любезности. Он видимо повеселел и все время называл меня другом и приятелем, сам подавал спички, вообще был любезен, ласков так, как я его еще никогда не видел, но при этом по обыкновению прост во всем обращении»¹⁴. Войдя в подробности проделок Кишинского, Маляревский был готов взять на себя наблюдение за исполнением контрактов по имениям Тургенева Кадное и Тапки (Топки), а также Спасского, «из уважения к Вам, дядя, ради всего того, что Вы для нас сделали, без всякого вознаграждения со стороны И<вана> С<ергеевича>»¹⁵. В письме от 15 (27) июня 1876 года Маляревский подробно описал приезд Тургенева в имение брата 12 (24) июня и обед с ним, а также заметил: «Вы знаете, что я влюблен в Ивана Сергеевича, а потому мне очень приятно писать о нем подробно до мелочей и для того, чтоб показать Вам его здоровье»¹⁶.

Стремясь обезопасить себя, уже 8 (20) января 1879 года – в ответ на полученную в этот день телеграмму Н.А. Щепкина с сообщением о кончине брата – Тургенев телеграфировал ему в Спасское, предписывая присутствовать от его имени при наложении печатей на имущество Н.С. Тургенева¹⁷, а на следующий день, 9 (21) января, отправил письмо с подробными инструкциями, из которого следует, что он изначально предполагал лично присутствовать при вскрытии завещания и снятии печатей в Тургенева, а также надеялся успеть на похороны. Немедленному отъезду в Россию помешал сильный приступ подагры, который обездвижил его за неделю до этого. В письмо к Щепкину было вложено также письмо для П. К.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 10 об.–11. Этот визит не отмечен в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)» (СПб., 2003). Фрагмент письма с описанием визита Тургенева, но с ошибочной датой (15 июля <1876 г.>) приведен в статье: Зайцев В.А. Семейство Маляревских. С. 54. См. также: Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 473, примеч. 1 к письму 4374.

¹⁷ Текст телеграммы неизвестен, но о ее содержании Тургенев упомянул в письме к Щепкину от 9 (21) января 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 10.

Маляревского, в целом повторявшее содержание письма к управляющему, однако оно не было передано последним по назначению¹⁸. О причинах, побудивших удержать данное письмо, Щепкин уведомил Тургенева 23 января ст. ст.¹⁹ Хотя письмо Щепкина неизвестно, можно предположить, что речь шла о неблагоприятных поступках Маляревского, которого Щепкин подозревал в мошенничестве. Решение это было одобрено и самим Тургеневым, просившим позже уничтожить свое письмо к Маляревскому, тем не менее пожелание писателя исполнено Щепкиным не было²⁰.

Имеющиеся в наших руках документы не позволяют однозначно судить о том, насколько обоснованы были подозрения Тургенева в отношении Маляревского, но они, очевидно, во многом подкреплялись сведениями, которые поступали от его управляющего, присутствовавшего при смерти Н.С. Тургенева и последующем наложении печатей на его имущество.

Так, «горестью и негодованием» исполнен ответ Тургенева на письмо Н.А. Щепкина от 8 января ст. ст. 1879 года, в котором сообщались некоторые подробности о болезни и кончине брата²¹. «Как? – писал Тургенев 14 (26) января, – бедный мой брат уже с конца прошлого года был безнадежен, доктора даже предсказывали его близкую кончину – а г. Маляревский не только не известил Вас – но даже мне послал телеграмму – не раньше кануна смерти – и то из Петербурга – и то с словами: “доктор подает мало надежды” – а брат уже был в агонии!! Очевидно – все это было прилажено с той задней мыслью, как бы я не приехал и не повлиял на брата насчет завещания. Могу уверить г-на Маляревского, что я совершенно равнодушен к денежному вопросу – и охотно предоставляю ему пользоваться всем, что брат ему оставил; но что я никогда ему

¹⁸ Текст его см.: Там же. С. 11–12.

¹⁹ Еще ранее, по получении письма Щепкина, сообщавшего подробности описи и наложения печатей на имущество Н.С. Тургенева в его имении, сам писатель признавался: «...если б я знал, что он за птица — я бы совсем к нему не писал. Если бы, паче чаяния, Вы бы этого письма (т.е. письма к Маляревскому от 14 (26) января 1879 г. — Н.Г., В.Л.) еще не отдавали – то оставьте его у себя» (Там же. С. 23–24).

²⁰ См. письмо к Щепкину от 27 января (8 февраля) 1879 г.: Там же. С. 29.

²¹ Текст этого письма Щепкина неизвестен.

не прощу, это то, что он лишил меня возможности хотя письменно или по телеграфу выразить мое сочувствие брату, проститься с ним; я не прощу ему того, что по его милости брат на смертном одре мог подумать, что я его забываю – и что, может быть, он умер с этой мыслью!! Это глубоко возмутительный поступок – и вполне достойный человека, которого М.Н. Муравьев употреблял чуть ли не в роли палача»²². Именно Щепкин, по-видимому, сообщил Тургеневу, что Маляревский намеренно не известил его об ухудшении болезни Николая Сергеевича, «несмотря на его (Н.С. Тургенева. – Н.Г., В.Л.) усиленные и повторенные просьбы»²³. Возмутило Тургенева и то, что Маляревский не посчитал нужным лично оповестить его о смерти брата, а также согласовать дату погребения. Негодование его было столь велико, что он в тот же день – 14 (26) января – параллельно с письмом послал управляющему телеграмму, в которой просил передать Маляревскому, что не разрешает хоронить брата в свое отсутствие²⁴, то же требование было продублировано и в письме к Щепкину от 14 (26) января: «Я требую от г. Маляревского немедленного извещения: мне кажется даже, что назначение дня похорон зависит от меня, как единственного законного наследника; в таком случае я требую, чтобы мне был сделан запрос – и я отвечу телеграммой»²⁵. Однако требование Тургенева, как будет видно из дальнейшего изложения, запоздало.

Несомненно, Щепкин передал Маляревскому содержание данного письма, поскольку последний вынужден был объяснять свое молчание, прибегнув к довольно высокопарным оправданиям. 25 января ст. ст. 1879 года он писал Тургеневу: «Торжество смерти при кончине сердечно любимого Николая Сергеевича, само собою

²² Там же. С. 19–20. Упоминание графа М.Н. Муравьева, по предположению В.А. Зайцева, говорит о том, что Тургеневу, очевидно, было известно, за что заведовавший Волковским лесничеством в Гродненской губернии и не участвовавший «ни в сражениях, ни в походах против неприятеля» П.К. Маляревский был награжден медалью «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.» (см.: Зайцев В.А. Семья Маляревских. С. 53).

²³ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 22. Письмо к М.М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Там же.

разумеется, отозвалось во мне потрясающе, тем более, что мне еще впервые пришлось видеть, как умирает человек! Расстроенный, потрясенный с основания во всем своем бытии, я чувствовал, что к первому, к кому я должен писать – так это к Вам и как к брату и как к другу покойного – но не мог! Я мог распоряжаться, мог телеграфировать, но спокойно выражаться не мог, – потому до сего времени не писал к Вам»²⁶. Вряд ли подобное объяснение могло удовлетворить писателя. Кроме того, Маляревский совсем уж неуклюже объяснял невозможность послать телеграмму в Париж незнанием иностранных языков и отсутствием у него адреса Тургенева²⁷. Последнее лишь подтвердило подозрение Тургенева в умышленном замалчивании реального положения дел, поскольку Маляревский, хорошо знакомый с Н.А. Щепкиным, мог без труда известить находившегося в Спасском управляющего, однако предпочел этого не делать.

В том же письме Маляревский подробно описал, очевидно со слов врачей, как развивалась предсмертная болезнь Н.С. Тургенева, у которого зимой на теле («выше паха левой (больной) ноги – на животе и ниже того же паха») появились новообразования («желваки»), в одном из них началось нагноение, и с 29 на 30 декабря ст. ст. 1878 года оно было вскрыто его лечащим врачом Александром Матвеевичем Рудневым (выпускником Петербургской медико-хирургической академии, которую он окончил с отличием в 1866 году, служившим в 1879 году ординатором в Тульской земской больнице), после чего состояние больного резко ухудшилось. 30 декабря ст. ст. Н.С. Тургенев «почувствовал лихорадку и легкий кашель», а в ночь с 31 декабря на 1 января ст. ст. стало ясно, что положение его безнадежно, «что у него правое легкое уже все поражено воспалением, воспаление уже частью перешло на левое, притом отек легких и неправильное биение сердца».²⁸

Маляревский вместе с женой и дочерью в тот момент находился в Петербурге, куда выехал из Москвы 24 декабря ст. ст. 1878 года и где рассчитывал, по его словам, остаться до весны. Он прибыл

²⁶ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 1 об.

в Тургенево лишь 4 января ст. ст. 1879 года, хотя уже 1 января ст. ст. получил телеграмму о тяжелом состоянии больного. Как следует из того же единственного уцелевшего письма Маляревского к И.С. Тургеневу от 25 января ст.ст. 1879 года, цель поездки в Петербург была вполне конкретной: хорошо зная положение имущественных дел своего покровителя и оценив всю опасность его болезни, Маляревский пытался предпринять шаги по оформлению одного из имений Н.С. Тургенева – сельца Долгого. Очевидно, он рассчитывал, что успеет включить в текст завещания и эту часть наследства, которая, ввиду ускорившихся событий, в конце концов отошла к брату усопшего.

Узнав по приезде в Тургенево, «что доктор, бывши накануне, т. е. 3, объявил, что больной безнадежен; что Н<иколай> С<ергеевич> сам по желанию своему уже исповедовался и приобщился», Маляревский «распорядился составить консилиум»²⁹, который состоялся 6 января ст. ст., однако по его же признанию, «больше для успокоения собственной совести, чем для предполагаемой пользы»: «Доктора из Тулы – тот же Руднев, товарищ его по Земской больнице <Василий Алексеевич> Ульянинский и Оружейного завода доктор Шмелеро, – подтвердили предрешение Руднева — объявив, что у больного уже распалось правое легкое. Сердце сжалось мучительно тяжело.....»³⁰. «Зажгите лучинку, погасите пламя, а затем следите за углем на лучинке – он потухнет, – так потух и Николай Сергеевич – тихо, молча, без страданий, – писал Маляревский. – Он не угас, как угасает, напр<имер>, лампада – то вспыхнет, то погасает; он именно потух; даже нельзя определить момент смерти. – Он скончался 7 января между половиною 6-го и $\frac{3}{4}$ шестого. Дня за 3 до смерти он страдал, жалуясь на боль внутри со стороны спины, – у него ослаб мочевой пузырь, – он весь ослаб, но память редко изменяла ему. Он вспоминал чаще всех Вас, и меня, мою жену и дочь. Юлия Яковлевна (Федорова, сестра А.Я. Тургеневой, мать Н.А. Маляревской. – Н.Г., В.Л.) в полном значении ни днем, ни ночью не отходила от больного, и он умер, глядя руку ее, а она щеку его»³¹.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же.

Исполняя поручение писателя, данное в телеграмме от 8 (20) января 1879 года, 9 и 10 января ст. ст. Н.А. Щепкин присутствовал в Тургенево на процедуре описания имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева. Некоторое представление о том, как это происходило, дает упомянутое выше письмо Маляревского к Тургеневу, согласно которому 7 января ст. ст., в день смерти Н.С. Тургенева, «в 10-ть часов вечера помощник исправника <коллежский асессор Михаил Николаевич> Туленинов, Ваш сосед по Спасскому, уже опечатав комнату покойного и сообщил мировому судье, распоряжением которого судебный пристав при съезде мировых судей, Протасов, при бытности Щепкина, 9-го января составил опись имуществу»³². Возможно, при процедуре описания имущества в Тургенево находился также двоюродный брат Тургенева – Н.П. Турганов, которого об ухудшении состояния Н.С. Тургенева Маляревский оповестил нарочным еще 4 января ст. ст. (в тот же день была послана и телеграмма Е.П. Крюгер в Москву). В письме к Тургеневу Маляревский упоминает, что Николай Петрович приехал в Тургенево примерно 5 минут спустя после приезда Н.А. Щепкина и остался на ночь³³.

В архиве Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева сохранилась заверенная копия с копии данной описи, составленной исполняющим должность судебного пристава при Чернском съезде мировых судей, губернским секретарем Леонидом Семеновичем Протасовым «согласно предписания господина мирового судьи 1 участка Чернского округа от 8 января сего 1879 года за № 33»³⁴, в присутствии волостного старшины Тургеневской волости Филиппа Васильева Арнаутова, а также крестьян села Тургенево Бориса Михайлова Афанасьева и Константина Ефимова Молчанова. Описанное имущество, кроме «ценных вещей, а равно и денег и документов», принял на хранение П.К. Маляревский, который являлся согласно завещанию, обнаруженному в Тургенево,

³² Там же. Л. 2 об.

³³ Там же.

³⁴ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 1. Мировым судьей 1-го участка Чернского округа в это время значился коллежский секретарь Василий Александрович Кретов (см.: Памятная книжка Тульской губернии на 1879 год. Тула, 1879. С. 45).

душеприказчиком Н.С. Тургенева³⁵. Здесь же упомянуто, что «при описи находился поверенный коллежского советника (sic! — Н.Г., В.Л.) Ивана Сергеевича Тургенева дворянин Николай Александрович Щепкин, нашел опись неполною и подал заявление»³⁶. Текст этого заявления неизвестен, но о сути претензий Щепкин тотчас известил Тургенева в письме, отправленном им, по-видимому, сразу по завершении составления описи имущества в Тургеневе или на следующий день, т.е. 10 или 11 января ст. ст. Писатель откликнулся 17 (29) января. Хотя текст письма Щепкина также остается неизвестным, можно с уверенностью предполагать, что в нем он обвинил Маляревского в сокрытии 20 000 руб. наличными до наложения печатей³⁷. Здесь же Щепкин впервые (вероятно, со слов Маляревского или после личного ознакомления) ознакомил Тургенева с основными положениями духовного завещания Н.С. Тургенева, указав общий объем наследства, который составлял 502 000 руб.³⁸, а также более точную сумму, оставленную им брату, — 55 000 руб. (а не 100 000, как полагал ранее писатель). Забегая вперед, необходимо особо подчеркнуть, что последняя цифра, как выясняется, не являлась окончательной. Упомянул в этом письме Щепкин и о той части наследства, которая не была включена в завещание (речь шла как о наличном капитале, так и недвижимом имении, в частности о сельце Долгом). Кроме того, Щепкин выслал Тургеневу обещанный им еще в письме от 8 января ст. ст. образец доверенности, которую надлежало оформить на его имя для ведения дел по наследству и заверить в генеральном консульстве в Париже. Текст данной доверенности, подписанной Тургеньевым 17 (29) января 1879 года, ранее считался неизвестным, но был недавно обнаружен С.А. Ипатовой

³⁵ В описи имущества оно значится под № 128: ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 6 об.

³⁷ Об этом Тургенев упомянул также в письме к М.М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 22. В описи имущества, составленной после смерти Н.С. Тургенева, под № 170 числится «наличных денег кредитными билетами, серебром и медью» всего 1 231 руб. 79 коп. (ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 6).

³⁸ Отметим, что указанная Тургеньевым в письме к М.М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г. сумма в 520 000 руб. относилась к фактическому объему наследства на момент смерти Н.С. Тургенева и была сообщена писателю Щепкиным со слов Маляревского (см.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 22).

в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. В ней Тургенев уполномочивает Щепкина «ходатайствовать об утверждении меня в правах наследства к имению, оставшемуся после смерти родного брата моего надворного советника Николая Сергеевича Тургенева, об утверждении составленного им в мою пользу духовного завещания, о вводе меня во владение оставшегося после него недвижимым имением и о передаче мне движимого имущества и капиталов, принять все оставшееся после него в Ваше заведование, а до принятия заботиться о сбережении и сохранении всего»³⁹.

Из письма Щепкина Тургенев узнал и о том, что вопрос с похоронами к тому времени был Маляревским уже окончательно решен. 14 (26) января в «Московских ведомостях» было напечатано следующее объявление: «Надежда Андреевна и Порфирий Константинович Маляревские с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о кончине Николая Сергеевича Тургенева, последовавшей 7 сего января, в 5 часов пополудни, в селе Тургенево. Погребение будет в Москве, куда тело последует по Московско-Курской железной дороге, в ночь с 16 на 17, – в Новодевичьем монастыре. Особых приглашений не будет»⁴⁰. Сам Н.А. Щепкин не позднее 14 января ст. ст. отправился в Москву для наблюдения за описью имущества в городском доме Н.С. Тургенева на Пречистенке. «...У меня до сего время ни одной минуты не было свободной, – замечал он по этому поводу 17 января ст. ст. 1879 года в письме к жене Софье Георгиевне, – но наконец вчерась вечером всё окончили по описи движимости в доме. Маляревский был очень озадачен моим неожиданным приездом в Москву. – Но все-таки они очень хитры, успели заранее всё обработать, но все-таки в доме довольно много оказалось мебели хорошей»⁴¹. Посланная же Щепкину Тургеневым 14 (26) января телеграмма с требованием не хоронить брата без него была получена в Спасском его женой и переслана ему в Москву. В том же письме от 17 января ст. ст. Щепкин сообщал жене: «Телеграмму от тебя я

³⁹ См.: Тургенев (2). Письма. Т. 16. Кн. 2, раздел «Официальные письма и деловые бумаги».

⁴⁰ См.: Московские ведомости. 1879. 14 января. № 11.

⁴¹ ОГЛМТ. Инв. 312 оф. Л. 1–1 об.

получил, в которой ты даешь знать мне, что И<ван> С<ергеевич> не позволяет хоронить Н<иколая> С<ергеевича> до распоряжения его, а Маляревскому жена телеграфировала так, что: И<ван> С<ергеевич> разрешает хоронить Н<иколая> С<ергеевича>, вероятно она всё врала в телеграмме. Маляревский на телеграммы мало обратил внимание и сказал, что он останавливать хоронить не станет, потому что в Новодевичьем монастыре церкви теплые, отчего и тело держать долго нельзя, хотя я его просил это сделать»⁴².

Похоронен Н.С. Тургенев был, очевидно, 17 января ст. ст. 1879 года на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, в семейном склепе, возведенном им для своей жены А.Я. Тургеневой, умершей 23 марта ст. ст. 1872 года⁴³. Н.А. Щепкин в этот день ездил на вокзал встречать тело Н.С. Тургенева⁴⁴. В упомянутом выше единственном сохранившемся письме Маляревский подробно описал трогательное прощание с Н.С. Тургеневым его бывших крепостных в с. Тургенево, отпевание и перевоз тела в Москву: «Тело стояло в зале большого холодного дома. Отпевание совершено 14-го в церкви села Тургенева, а с 16-го на 17-ое тело, сопровождаемое священником села Тургенева, проследовало по железной дороге в Москву, а затем с вокзала в Новодевичий монастырь, где и поставлено в склепе, еще при жизни заготовленном самим Николаем Сергеевичем, рядом с гробом покойной супруги его. Всюду, как в деревне, так и в Москве, похороны были парадные; — было все, что обычай и люди до сего времени придумали, лучшего, почетнейшего для отдания последнего долга любимому, чтимому, незабвенному существу!.....»⁴⁵.

И.С. Тургенев на похоронах брата присутствовать не смог. Он приехал в Россию 8 (20) февраля 1879 года, неожиданно задержавшись во Франции в связи с участием в делах Г. Флобера. В Москве он оказался лишь 14 (26) февраля с тем, чтобы присутствовать на утверждении к исполнению завещания Н.С. Тургенева и своих прав на наследство в Московском окружном суде, которое было назна-

⁴² Там же. Л. 1 об.–2.

⁴³ См.: <Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л.> Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 232–233.

⁴⁴ ОГЛМТ. Инв. 312 оф. Л. 1.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.

чено на 25 февраля ст. ст., но затем отложено до 28 февраля ст. ст. К этому времени, однако, писатель уже успел ознакомиться с текстом духовного завещания брата, а также с двумя описями имущества⁴⁶, нотариально заверенные копии которых были предусмотрительно высланы ему П.К. Маляревским в неоднократно цитированном выше письме от 25 января ст. ст. 1879 года.

Как показывают сохранившиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки документы дела об утверждении нотариального духовного завещания Н.С. Тургенева, открытого Московским окружным судом 28 февраля и закрытого 14 марта ст. ст. 1879 года⁴⁷, завещание Н.С. Тургенева было составлено в с. Тургенево и заверено еще 14 ноября ст. ст. 1877 года чернским нотариусом А.Ф. Белобородовым⁴⁸.

Согласно этому завещанию общая сумма наличного и долгового капитала Н.С. Тургенева составляла 502 000 руб. Душеприказчиком был назначен, как уже упоминалось, П.К. Маляревский, который, как и его жена Н.А. Маляревская, стали главными наследниками, получив по завещанию более 300 000 руб., причем родовое имение Тургенево, а также сельцо Слободка и хутор Велевашев по закладной в 150 000 руб. числились за Маляревской еще с 13 ноября ст. ст. 1877 года⁴⁹. Ей же был оставлен и московский дом на Пречистенке «с местом». Сам же Маляревский получал мельницу при Стекольной Слободке в 20 000 руб. (по закладной с А.В. Чедаевым от 3

⁴⁶ Речь идет об упоминавшейся описи имущества Н.С. Тургенева, оставшегося после его смерти в селе Тургенево, одна из копий которой ныне хранится в ОГЛМТ, а также об описи имущества в доме Н.С. Тургенева в Москве, текст которой остается неизвестным.

⁴⁷ РГБ. Ф. 306 (И.С. Тургенев). № 10.

⁴⁸ Нотариальная копия этого завещания Н.С. Тургенева, заверенная печатью московского нотариуса С.А. Кедрова 16 (28) марта 1879 г., хранится в ОГЛМТ (Инв. 249 оф.). Копию «Выписи из актовой книги чернского нотариуса Андрея Белобородова для актов на недвижимое имущество за 1877 год» см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 23–27 об. Согласно принятому в то время законодательству, в случае нотариального оформления подобная выпись, выданная завещателю, была равносильна подлинному завещанию. Она выдавалась сразу же после подписания завещания в актовой книге в обязательном присутствии установленных по закону трех свидетелей подписания завещания.

⁴⁹ Подобная форма передачи имущества была применена, поскольку при наличии кровных родственников родовые имения не подлежали завещанию.

февраля ст. ст. 1876 года) и имение Сычи (Сычево), Никольское с тож, Мценского уезда Орловской губернии (по собственной заклад т той Н.С. Тургенева от 26 марта ст. ст. 1876 года) в 150 000 руб., а так 1 же по заемному письму А.Ф. Карцева и векселю Э.И. Крюгера 7 500 ; руб.; всего же на сумму 177 500 руб. 1

Не были забыты и другие родственники покойной жены Н.С. Тургенева: брат Егор Яковлевич Шварц и его дети получили 50 000 руб. столько же досталось Елене Ивановне Шварц и ее дочерям, 19 500 руб. было оставлено родной сестре А.Я. Тургеновой и матери Н.А. Маляревской — Ю.Я. Федоровой, жившей вместе с семьей дочери в с. Тургенева и там же впоследствии похороненной.

Следует отметить, что имя дочери Маляревского, А.П. Маляревской, в завещании Н.С. Тургенева не фигурирует, хотя, судя по более ранним письмам И.С. Тургенева, именно ей первоначально Николай Сергеевич собирался завещать большую часть своего состояния⁵⁰. Тем не менее упоминание А.П. Маляревской как главной наследницы Н.С. Тургенева бытует в специальной литературе⁵¹.

Брату по завещанию 1877 года Н.С. Тургенев оставлял 55 000 руб., причем, помимо 22 200 руб. наличным капиталом, оставшуюся сумму составляли 22 800 руб., которые должны были выплатить купец А.В. Чедаев (по контракту на рубку леса) и С.О. Бородаевский (по долговому векселю в 10 000 руб.). Однако со времени подписания завещания состояние Н.С. Тургенева, прежде всего в отношении поименованных в нем денежных обязательств третьих лиц, претерпело некоторые изменения. Кроме того, обнаружилось имущество, относительно которого Н.С. Тургенев в завещании не оставил никаких распоряжений. В связи с этим в упомянутом выше письме к Тургеневу Маляревский привел скрупулезным образом

⁵⁰ Так, 18 (30) ноября 1872 г. Тургенев писал брату: «Я очень рад, что ты собираешься превратить свое имение в капитал: и спокойнее, и свободнее. Передачу Тургенева Аняте я тоже вполне одобряю; она премилая девочка — да и, кроме того, ничего не может быть приятнее сердцу, как обеспечивать существование существ любимых или близких тем, которых мы любили <...>. Лучше пусть владеет Анята или дочь г-жи Виардо, чем наши так называемые наследницы» (см.: Тургенев (2). Письма. Т. 12. С. 59).

⁵¹ См., например: Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev: Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. Paris, 1989. P. 247; Flaubert G. Correspondance / Ed. de Jean Bruneau. Paris, 2007. T. 5. P. 1321.

составленный им расчет всего имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, а также той части, которая в итоге причиталась писателю и по его подсчетам равнялась 78 001 руб. Приводим целиком эту часть письма, представляющего собой уникальный документ, своеобразный образец если не «старинного», то во всяком случае «новейшего» «крючкотворства».

*Из письма П.К. Маляревского к И.С. Тургеневу
от 25 января (6 февраля) 1879 года⁵²*

Из духовной видно, что при совершении ее завещателем объявлено капитала:

НАЛИЧНОГО 54 700 руб. ДОЛГОВОГО 447 300. ВСЕГО **502 000**⁵³.

А из описи № 1 видно, что после смерти завещателя оказалось капитала, значащегося в описи под №№ 159–160–161–162–163–167–168 и 170.

НАЛИЧНОГО 133 914 руб. 79 коп. (оба билета 1-го и 2-го займа с выигрышами я считаю пока по 231 ру<б>. каждый).

Значащиеся в той же описи под №№ 119–130–131–132–134–135–136–137–138–139–140–141–142–143–144–145–146–147 и 148. Капитала ДОЛГОВОГО 420 256. Но в духовной из вышеписанных номеров №№ 143–144–147 и 148 на сумму 17 656 руб. никому не завещаны, а так как они (т. е. документы) совершены ранее 14-го ноября 1877, дня совершения духовной, и находились на хранении в руках завещателя, то следовательно завещатель знал о их существовании, но все-таки никому не завещал; а потому они по нашим отечественным законам принадлежат Вам — как прямому по брате наследнику.

Документы же, значащиеся под №№ 139–140–141–142–145 и 146, хотя одинаково никому не завещаны, но как совершенные после совершения духовной, т.е. после 14-го ноября 1877, по смыслу в ней выраженному словами: «Если же назначенный мною по сему заве-

⁵² См.: РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 3-6.

⁵³ Слова, подчеркнутые Маляревским одной чертой, выделены курсивом, двумя чертами — полужирным курсивом. — Н.Г., В.Л.

щанию наличный и долговой капитал увеличится или уменьшится по день смерти моей, то и выдачи каждому лицу произвести пропорционально изменению капитала» — поступают в общий раздел наследникам по завещанию.

Итак, вычитая из долгового капитала 420 256 рублей 17 656 руб., поступающие в пользу Вашу как наследнику по брате, долговой капитал выражается цифрой 402 600.

Мало того: так как в духовной изображено что: «Если какие-либо денежные обязательства, здесь (в духовной) поименованные, при жизни моей будут платежами погашены, то взамен их лицу, которому они мною по сему завещанию назначены, выдать из капитала, поступившего из того обязательства». Из числа же долговых документов, поименованных в духовной: 1) вексель Бородаевского в 10 000 заменен закладной от него же и в равной сумме, и только два документа всецело погашены платежами — это вексель Карцева в 6 500 руб. и закладная Олсуфьева в 50 000. Погашены же в части закладная Абрашина и контракт с Чедаевым, значащиеся под №№ 130 и 131. Об этих двух документах с точностью в настоящее время сказать не могу, так как под руками их не имею, потому что подлинные хранятся у мирового судьи, а копии в руках контрагента и залогодателя; но обращаясь к памяти, припоминаю, что они совершены в 1876 году и что Абрашин обязан уплатить в 1878 году и он действительно уплатил 4 000. Чедаев же с 1876 года по 2 850 руб. в год, а за 3 года он уплатил 8 550 руб. Всего уплочено по обоим документам 12 550 руб., которые состоят в числе суммы наличного капитала. Следовательно, оба эти документа за уплатою по ним части долга стоимостью понизились на сумму платежа 12 550; между тем в опись по этим двум документам долговой капитал занесен полною суммою при первоначальной их редакции, почему долговой капитал, поступающий в раздел наследникам по духовной, должен быть понижен на столько, на сколько уплата произведена, так как этот платеж поступил в наличный капитал. (Тот, кому эти два документа по духовной назначены, потери не имеет, потому что уплоченное по документу, кому он назначен, «получает из капитала, поступившего из того обязательства», как выражено в духовной.) Отсюда следует, что долговой капитал, поступающий в раздел, уменьшается еще

примерно на 12 550 и будет составлять не 402 600, а за вычетом 12 550 руб., всего 390 050 руб. Решаюсь из сего вычесть еще 600 руб. по простым распискам Варвары Николаевны Житовой по описи № 145 и Елисаветы Петровны Крюгер № 146, ввиду затруднительности получения по ним (а если получатся, то тогда и разделятся). Теперь долговой капитал, поступающий в раздел, за вычетом этих 600 руб. из 390 050 выражается суммой 389 450.

Итак, после смерти оказалось капитала

НАЛИЧНОГО 133 914 руб.<б.> 79 к. — ДОЛГОВОГО 389 450. —
ВСЕГО 523 364 р. 79.

При совершении духовной завещателем объявлено капитала

НАЛИЧНОГО 54 700 рублей ДОЛГОВОГО 447 300 р. Всего
502 000.

Следовательно, сумма капитала наличного и долгового увеличилась на 21 364 р.79.

Эти 21 364 руб.79 коп., по смыслу духовной, поступают в раздел и раздел пропорциональный, т. е. $502\ 000 : 21\ 364\ р.\ 79 = 1000 : x$. Отсюда $x = 21\ 36479 \times 1000 / 502\ 000 = 4\ 255\ 93$ коп., т. е. на каждую 1000 следует добавочных по 42 р. 55 93/100 копейки.

Затем мне остается объяснить значение и стоимость тех документов, которые поступают в пользование Ваше, как по духовной, так и помимо ее.

В духовной назначено Вам 55 000 ⁵⁴, в то число:

1) Вексель Бородаевского заменен закладной, совершенной с таким условием, что за два месяца, т.е. 10 декабря, до срока платежа капитала 10-го февраля каждого года в продолжение 9-ти лет Бородаевский обязан испросить согласие на отсрочку платежа капитала в следующий год, уплатив предварительно %; а так как 10-ое декабря 1878 г. истекло при жизни Николая Сергеевича и Бородаевский % за год вперед с согласия его уплатил, то и платеж капитала отсрочен ему по 10-ое февраля 1880 года. Теперь уже от Вас зависит не изъявлять согласия на отсрочку платежа 10-го декабря 1879 года, и Бородаевский 10-го февраля 1880 года уплатит капитал, иначе кроме его уплатит еще неустойки 3 000 руб.

⁵⁴ Исправлено Маляревским, было: 50 000.

Эта закладная стоимостью 10 000.

Но может быть, я смогу быть Вам полезным тем, что мне удастся если пожелаете, обменять его закладную на чистый капитал точно по переходу ее в ведение Ваше. Впрочем, это дело до духовной не касается.

2) Контракт с Чедаевым совершен в 1876⁵⁵ году на 10 лет. Срок платежа 10-ое января каждого года. При редакции был суммой 28 500 руб. Ко дню совершения духовной 14 ноября 1877 года произведенными платежами за 1876 и 1877 по 2 850 рублей в год — выразился суммой 22 800 руб., в каковой цифре в духовной упомянут, но за уплатою в 1878 году еще 2 850 руб. после духовной совершенной в 1877 году, долговой платеж уменьшился и контракт выразился суммой 19 950.

3) Зато таким платежом от Чедаева 2 850 рублей увеличился наличный капитал, а потому Вам следует получить наличного капитала не 22 200 руб., как значится в духовной, а уже 22 200 + 2 850, т.е. 25 050.

ВСЕГО — 55 000.

По слухам мне известно, что Чедаев за 1879-й год 2 850 руб. представил в уплату в Тульский окружной суд, так как за смертью моего доверителя я платежей ни производить, ни принимать не могу. Эти деньги, при переходе контракта в Ваше пользование, следует Вам получить по месту нахождения их из Тульского окружного суда.

Кроме того, на Вашу долю приходится добавочных по 42 р. 55 93/100 коп. на каждую 1000 = 2 340 р. 76 к. Следовательно, наличного капитала Вам следует 27 390 руб. 76 коп. и долгового 29 950 руб.

ВСЕГО: 57 340 р. 76 к.

Помимо духовной, переходят к Вам документы, как объяснено выше, значащиеся в описи под №№ 147–148 — две Ваши расписки на сумму 15 000, под № 143 — четыре векселя Огаревой на сумму 2 632 руб., данные ею еще на имя покойной Анны Яковлевны, хотя и вовремя протестованные, но после протеста очень и очень долгое время пропущенные представлением ко взысканию, которые как

⁵⁵ Контракт был заключен 22 декабря 1875 г. (3 января 1876 г.). Текст его см.: ОГЛМТ. Инв. 250 оф.

поэтому, так и по бедности Огаревой совершенно безнадежны. По ним я и адвокаты пробовали вчинять иск, но убедились, что в результате будет только трата на гербовую бумагу. — Их теперь 4, а было 5; — с одним из них, раз, я, как с подарком от Николая Сергеевича крестнице его, внучке Огаревой, ездил — но и от них даже не привез обычной благодарности. К этой же категории относится и вексель [нрзб]. Рейнштейна по описи № 144 на 24 руб., — вексель не протестован и место жительства Рейнштейна неизвестно.

Еще, помимо духовной и ни в какой описи не значащееся, переходит к Вам, говоря языком закона, населенное имение Мценского уезда сельцо Долгое, а попросту неполученная выкупная сумма, за вычетом из которой долга в Опекунский совет, очищается в пользу Вашу около 7 000 руб. Выдача ссуды отказана в ноябре 1878 по той причине, что Долгое состоит в неразмежеванной между совладельцами дачи, хотя они и владеют *ОСОБНЯКАМИ*. За долг Опекунскому совету из этих 7 000 руб. бежит налогу по 82 коп. в день. — Если знать да уметь, как за дело взяться, можно кончить к зиме 1879 г. Об этих-то деньгах я интересовался хлопотать в Петербурге.

Из всего вышепоясненного следует, что Вы получаете в наследство после Николая Сергеевича *СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ*:

По духовной наличного и долгового капитала	57 340 р. 76
Помимо духовной Ваши расписки на	15 000 00
Выкупной ссуды сельца Долгого Мцен. уезда пример.	5 660 24
	ВСЕГО — 78 001 р.

В заключение мне остается сказать, что в обоих описях вещи и мебель (хотя даже юридически), но не вся, все-таки большею частью по закону принадлежит тоже Вам, потому что покойный Николай Сергеевич о ней не упомянул, — но вот его собственное выражение, не раз обращенное к нам: «Я Вам даю дом с начинкою». К тому же в духовной, Вы видите, нет распоряжения о расходе на похороны; похоронил же его я. Итак, если Вам будет угодно принять ее, то распорядитесь, кому я должен сдать, так как я принял ее на хранение.

По-видимому, указанная в расчете Маляревского сумма показалась Тургеневу не вполне справедливой, и, возможно, он даже подумывал о том, чтобы оспорить завещание (по крайней мере, в

отдельных пунктах) в суде. Во всяком случае, известно, что он консультировался в Петербурге по поводу завещания с адвокатом В.В. Самарским-Быховцом, к услугам которого неоднократно обращался по различного рода юридическим вопросам⁵⁶. Однако вникнув по приезду в Москву во все обстоятельства дела, писатель от этого намерения отказался. «Спешу сообщить Вам, – писал он 20 февраля (4 марта) 1879 года А.В. Топорову, – что дело мое приходит в ясность: новое завещание брата так мастерски составлено (самим г-м Маляревским) – что, как говорится, иголки не подпустишь: вместо 100 000 р. я получаю с небольшим 60⁵⁷. И то хорошо: Маляревский, при его влиянии на брата, мог ничего мне не оставить»⁵⁸.

Сумма в 100 000 руб., на которые рассчитывал Тургенев, находившийся в стесненных обстоятельствах из-за разорения семьи дочери, не раз упоминается в его корреспонденции. Денежные взаиморасчеты между братьями были довольно сложными. Первоначально Н.С. Тургенев действительно обещал, в случае своей смерти, оставить младшему брату 100 000 руб. По всей видимости, обещание это было задокументировано, скорее всего в одном из двух ранних вариантов завещания, текст которых остается неизвестным, или в ином документе. «Два старых» завещания, «не имеющих значения, как написано на конверте собственноручно покойным о замене их первым», упомянуты в описи имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева в с. Тургенева⁵⁹.

Так, в письме от 20 июня (2 июля) 1876 года Тургенев просил брата, в случае своей смерти, передать эту сумму П. Виардо или, «если и ее не будет», ее дочерям Клоди и Марианне, подчеркивая, что продажа Спасского «с лихвою» вознаградит Николая Сергеевича, поскольку Спасское можно будет продать за 150 000 руб. В качестве дополнительной просьбы Тургенев просил также выделить некоторую сумму в пользу своей дочери: «...если даже ты найдешь воз-

⁵⁶ Такой вывод позволяет сделать упоминание Самарского в письме Тургенева к А.В. Топорову от 20 февраля (4 марта) 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 38.

⁵⁷ В отличие от приведенного выше расчета Маляревского Тургенев указывает сумму без учета двух своих расписок Н.С. Тургеневу на общую сумму 15 000 руб., которые, не будучи упомянутыми в завещании, по закону возвращались ему.

⁵⁸ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 37–38.

⁵⁹ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 4.

можным дать еще 10 или 15 000 моей дочери Полине Брюэр – то я тебе скажу загробное спасибо»⁶⁰. Как видно из следующего письма Тургенева к Николаю Сергеевичу, датированного 3 (15) июля 1876 года, тот согласился на просьбу брата, что косвенно подтверждает предположение о том, что в одном из ранних вариантов завещания И.С. Тургеневу назначалась сумма в 100 000 руб. «Что касается до записей, данных тобою, – пояснял далее Тургенев, – их было две: одна, в 50 000, моей дочери, другая – в такой же цифре (если не ошибаюсь) – г-же Виардо. Первую я тебе возвратил, и ты ее уничтожил; а другая, конечно, должна пойти в счет тех 100 000 р., которые ты выплатишь ей в случае моей смерти и унаследования тобой Спасского: это разумелось само собою <...> А деньги моей дочери предоставляю на совершенное твое благоусмотрение <...>»⁶¹.

Между тем еще в 1875 году, в связи с покупкой дачи в Буживале, потребовавшей от него дополнительных затрат на постройку собственного дома (так называемого шале, в котором в настоящее время находится музей Тургенева) и проч., писатель одолжил у брата 10 000 руб. по годовому векселю в 9 %⁶². Условия займа были предложены самим И.С. Тургеневым, рассчитывавшим расплатиться в течение года⁶³. По получении денег «простая расписка» на 10 000 руб. была выслана им Н.С. Тургеневу 18 февраля (2 марта) 1875 года, она же упомянута в описи имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева (а также в приведенном выше фрагменте из письма Мальяревского) под № 148⁶⁴. Однако в феврале 1876 года финансовое положение писателя, резко поколебленное в результате мошеннических действий его управляющего Н.А. Кишинского, не позволило ему, по всей видимости, в годовой срок рассчитаться по векселю; тем не менее проценты по долгу были им выплачены: просьба о выделении 900 руб. Н.С. Тургеневу (что составляло 9 % от 10 000 руб.)

⁶⁰ Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 131.

⁶¹ Там же. С. 141-142.

⁶² См. письма об этом к Н.С. Тургеневу от 25 января (6 февраля), 30 января (11 февраля), 5 (17) февраля, 18 февраля (2 марта), 2 (14) марта 1874 г.: Там же. Т. 14. С. 18, 20, 27, 34, 47, причем Тургенев просил брата выслать ему деньги за вычетом годовых процентов.

⁶³ Там же. С. 27. Срок платежа был установлен им в этом письме на 13 (25) марта.

⁶⁴ ОГЛИМТ. Инв. 253 оф. Л. 5.

была им отправлена Кишинскому еще 18 (30) ноября 1875 года⁶⁵. В начале 1876 года Тургенев, очевидно, обратился к брату за отсрочкой долга еще на год и одновременно просил дополнительно ссудить ему 5 000 руб. Хотя переписка по этому поводу неизвестна, данный факт подтверждается «простой распиской» И.С. Тургенева от 3 февраля ст. ст. 1876 года на 5 000 руб., значащейся в описи имущества Н.С. Тургенева под № 147⁶⁶. Несмотря на то, что в январе 1877 года проценты по обоим вексям в размере 1 350 руб. были писателем исправно выплачены при посредстве М.М. Стасюлевича, перечислившего ему внушительный гонорар за роман «Новь»⁶⁷, общее состояние его финансовых дел существенно не улучшилось, и он снова вынужден был просить брата о годовой отсрочке⁶⁸. Но и 1877 год оказался на редкость неудачным, доведя его положение до критического, чему во многом способствовало резкое падение рубля из-за русско-турецкой войны, а также плачевные обстоятельства дочери Тургенева Полины Брюэр, оказавшейся вследствие банкротства мужа практически на грани разорения.

Все это вынудило Тургенева в июне 1877 года обратиться к брату с щекотливой просьбой простить ему долг, зачтя его в счет той суммы в 100 000 руб., которая должна была последовать ему по завещанию. Дерзнул Тургенев также завуалированно просить брата выделить ему еще 5 000 руб. и таким образом округлить сумму долга до 20 000, с тем чтобы в случае смерти Николая Сергеевича сумма завещанных денег составила 80 000 руб. Это освободило бы Тургенева от уплаты годовых процентов по долгу, которые он рассчитывал употребить на «пенсион» разоренной дочери⁶⁹. Ответ Н.С. Тургенева неизвестен, однако в ноябре ст. ст. того же года, получив от брата письмо (текст его неизвестен), из которого следовало, что тот находится «в положении стесненном», Тургенев вынужден был от-

⁶⁵ См.: Тургенев (2). Письма. Т. 14. С. 178.

⁶⁶ ОГЛИМТ. Инв. 253 оф. Л. 5. Местонахождение обеих расписок И.С. Тургенева неизвестно: очевидно, они были возвращены писателю и им уничтожены.

⁶⁷ См. письмо к Стасюлевичу от 13 (25) января 1877 г. и примеч. 3 к нему: Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 23, 437.

⁶⁸ См. письмо к Н.С. Тургеневу от 12 (24) января 1877 г.: Там же. С. 21.

⁶⁹ См.: Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 184. Письмо от 17 (29) июня 1877 г..

казаться от своей просьбы и обязался выплатить 9 % с одолженной суммы в 15 000 руб.⁷⁰ Примечательно, что именно в ноябре ст. ст. 1877 года было нотариально заверено и новое завещание Н.С. Тургенева, в котором сумма, причитавшаяся И.С. Тургеневу, составляла уже не 100 000 и не 85 000, а 55 000 руб.

Тем временем в преддверии срока уплаты процентов за 1878 год Тургенев попытался уговорить брата принять в счет долга картину Э.-Т. Бланшара «Куртизанка» (или, как он ее называл, «Клеопатра»), однако получил отказ, взамен Николай Сергеевич предложил выплатить причитавшиеся ему 1 350 руб. процентов в рассрочку, на что Тургенев согласился⁷¹. Распоряжение об отправке Н.С. Тургеневу 500 руб. писатель дал Н.А. Щепкину 11 (23) февраля, а оставшуюся сумму планировал выплатить до 15 июля⁷².

Вопрос о завещании Н.С. Тургенева, несомненно, обсуждался в августе ст. ст. 1878 года, во время нескольких свиданий в с. Тургенева, хотя к этому времени новое завещание уже было составлено и заверено. Однако, судя по дальнейшим письмам Тургенева, Н.С. Тургенев с его текстом брата не ознакомил. Одна из встреч братьев состоялась, очевидно, 11 (22) августа⁷³. Еще раз Тургенев навестил брата 22 августа (3 сентября), но накануне подробно известил его о своем материальном положении и отказался от обещанной ему в завещании суммы в 100 000 руб., попросив назначить ему лишь 15 000 руб. без процентов. Назвав подобную услугу «истинно братским одолжением», Тургенев напомнил, что в случае собственной смерти брат получит гораздо более 100 000 руб. за родовые имения, будучи единственным законным их наследником. Ссылаясь на обещание брата в этом случае выплатить семье Виардо 50 000 руб., Тургенев писал, что даже после этой выплаты Николай Сергеевич получит

⁷⁰ См.: Тургенев (2). Письма. Т. 14. С. 178.

⁷¹ Такой вывод позволяет сделать упоминание Самарского в письме Тургенева к А.В. Топорову от 20 февраля (4 марта) 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 38.

⁷² В отличие от приведенного выше расчета Маляревского Тургенев указывает сумму без учета двух своих расписок Н.С. Тургеневу на общую сумму 15 000 руб., которые, не будучи упомянутыми в завещании, по закону возвращались ему.

⁷³ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 37–38.

более 200 000 руб.⁷⁴ Тем не менее Н.С. Тургенев не отказался от процентов за выданные в долг брату 15 000 руб., о чем свидетельствуют письма Тургенева к управляющему Н.А. Щепкину от 24 октября (5 ноября) и к брату от 25 октября (6 ноября) 1878 года⁷⁵.

Таким образом неудивительно, что указанная в письме П.К. Маляревского сумма в 78 001 руб., которая на деле за вычетом собственных долговых расписок писателя составила 63 001, стала для И.С. Тургенева неприятной неожиданностью. Этим отчасти объясняется его последующее ревностное отношение к защите всех своих наследственных прав.

14 марта ст. ст. 1879 года Московским окружным судом была озвучена резолюция, утверждавшая к исполнению духовное завещание Н.С. Тургенева. Согласно составленной Н.А. Щепкиным ведомости о приходе денег за декабрь 1878-го и январь – сентябрь 1879 года, Тургенев получил от Маляревского по духовному завещанию Н.С. Тургенева сначала 35 441 руб. 87 коп., а затем еще 2 358 руб. 23 ½ коп.⁷⁶ Первая сумма, по-видимому, была выплачена после 23 марта ст. ст. 1879 года, когда Маляревским был составлен полный расчет имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, между его сонаследниками⁷⁷. Она складывалась из суммы наличного капитала, причитавшегося писателю по завещанию, к которой добавились 10 000 руб. по закладной Бородаевского, поскольку Тургенев, очевидно, согласился на предложение обналичить ее, содержавшееся в письме Маляревского от 25 января ст. ст.

Вторая сумма – 2 358 руб. 23 ½ коп. – возникла в результате недоразумения, связанного с расчетами по доставшемся Тургеневу долговому обязательству А.В. Чедаева на рубку леса при селе Сомове, Павлицеве тож. Еще в письме от 25 января ст. ст. Маляревский упомянул о том, что «по слухам» ему было известно о произведенной Чедаевым уплате по контракту за 1879 год в сумме 2 850 руб., которые тот, за смертью Н.С. Тургенева, якобы «представил» в Тульский окружной суд. Эти деньги он советовал Тургеневу по-

⁷⁴ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 4.

⁷⁵ Там же. С. 184–185, 188.

⁷⁶ ОГЛМТ. Инв. 197 оф. Л. 1.

⁷⁷ Копия его хранится в ОГЛМТ (Инв. 255 оф.).

лучить при переходе к нему контракта «по месту нахождения их из Тульского окружного суда». И писатель планировал воспользоваться его советом, заключив для этого договор с адвокатом Н.П. Черносивитовым, который был составлен последним 4 (16) мая и подписан Тургеневым 17 (29) мая 1879 года. Согласно этому договору, однако, Черносивитов должен был не истребовать деньги из Тульского окружного суда, а взыскать их с самого П.К. Маляревского, получившего с Чедаева, как оказалось, 2 850 руб. «на срок 10-го января 1879 года»⁷⁸.

Дело против Маляревского, по всей видимости, так и не было открыто, поскольку еще 1 мая ст. ст. 1879 года им был составлен «Первый дополнительный расчет» имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева. Первым пунктом в нем был произведен перерасчет по контракту Чедаева. Как пояснял Маляревский, срок уплаты по его обязательству действительно наступил 10 января ст. ст. 1879 года, «но так как Чедаев и в прежние три года производил означенные платежи ранее обусловленного договором срока, именно: при первом нападении снега, дабы получить право на вывозку из леса им, Чедаевым, заготовленного лесного материала, так и ныне вместо упомянутого срока 10 января 1879 года Чедаев уплатил 2 850 рублей ноября 1 дня 1878-го года, т.е. при жизни завещателя <...>»⁷⁹. В итоге по сравнению с расчетом от 23 марта ст. ст. долговой капитал, причитавшийся Тургеневу по контракту Чедаева, уменьшался на 2 850 руб. (19 950–2 850=17 100), а наличный, напротив, увеличивался на ту же сумму. По результатам сложных подсчетов, учитывавших массу факторов, в том числе проценты с недополученного капитала, причитающиеся не только Тургеневу по чедаевскому контракту, но и другому наследнику – Е.Я. Шварцу

⁷⁸ Текст этого договора, обнаруженного С.А. Ипатовой в ОПИ ГИМ, см.: Тургенев (2). Письма. Т. 16. Кн. 2, раздел «Официальные письма и деловые бумаги». Согласно этому же договору Черносивитов обязывался вести и «жикинское» дело. Об этой тяжбе см.: Иванова Л.Н. Тургенев и жикинское дело // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 202–216; Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4396, примеч. 1, а также письма Тургенева 1881–1882 гг., по указателю. Дело с Жикиным, затянувшись на несколько лет, окончилось, как известно, в пользу каленских крестьян лишь после смерти Тургенева, в 1884 г.

⁷⁹ ОГЛМТ. Инв. 256 оф. Л. 1–1 об.

по долговому документу П.М. Абрашина, Маляревский заключал «По настоящему расчету следует выдать Ивану Сергеевичу Тургеневу 2 850 рублей и % с 7 января 1879 года по 10-е мая 1879 года за 4 месяца и 3 дня 48 руб. 68 ½ коп., всего 2 898 рублей 68 ½ копеек а за вычетом причитающихся на долю его 540 руб. 45 коп. выдать 2 358 руб. 23 ½ копейки, которые и выданы 5 % билетами 4 выпуска с купонами сроком 10 мая 1879 года»⁸⁰.

17 августа ст. ст. 1879 года тем же Московским окружным судом И.С. Тургенев по прошению, поданному 27 февраля ст. ст., был утвержден в правах наследства⁸¹ «после надворного советника Николая Сергеевича Тургенева в имении, оставшемся без завещательного распоряжения»⁸². Сам писатель на этом заседании не присутствовал, доверив вести свои дела Н.А. Щепкину, которому и была 23 августа ст. ст. выдана копия определения. Речь в нем шла о с. Долгом – Долгий Колодезь, Никулино тож, Мценского уезда Орловской губернии, о котором Тургеневу в свое время сообщал Маляревский. Его прогнозы о возможности завершить дело зимой 1879 года, однако, не оправдались. Начатое Орловским окружным судом 9 ноября ст. ст. 1879 года, оно затянулось до марта ст. ст. 1880 года и закончилось введением Тургенева «во владение имением, заключающемся в крестьянском наделе при с. Долгом Мценского уезда в количестве 386 дес<ятин>»⁸³.

Таким образом, дело о наследстве Николая Сергеевича Тургенева было в основном завершено.

⁸⁰ Там же. Л. 3–3 об.

⁸¹ См. копию определения Московского окружного суда: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 98–98 об.

⁸² Там же. Л. 98 об.

⁸³ Там же. Л. 110 об. Копии всех документов по этому делу см.: Там же. Л. 95–113.